

НОВЫЕ ИМЕНА НА АФШИХ

Заметки о творчестве молодых актеров

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ на театральных афших Ленинграда появилось немало новых и ярких артистических имен. В жизнь больших и малых театров, в бурный поток исканий, проб, открытий беззаботно вступают вечерние питомцы театральных школ и студий, институтов и самодеятельных коллективов.

Но процесс вхождения молодежи и творческую жизнь театра — процесс сложный, и практика показывает, что далеко не всегда он протекает гладко. Бывает и так, что молодые актеры, едва прийдя в театр, начинают стремительно стареть или, наоборот, почему-то заскучают в «молодых» чуть ли не до самой старости.

Современный театр ждет с нетерпением молодых художников, которые до нрав наполнены наблюдениями, желаниями, замыслами, фантазиями и способными нести на сцену свою высокую и горючую гражданственность, убежденность и нравственную стойкость. Путь актера начинается с требования к самому себе, а не с требований к своим руководителям и учителям. Между тем нередко, к сожалению, встречаются актеры, которые первые свои шаги в театре сопровождают хныканьем и причитаниями: «мне не дали роли», или «меня не заметили», или «со мной не работали».

Разумеется, бесконечно важна в театре роль руководителей, режиссеров, воспитателей актерской молодежи. Известно также, что молодые актеры могут проявить себя в полную меру только в живой атмосфере зрелых, целевых и глубоких режиссерских замыслов. Но весь опыт нашего советского театрального искусства показывает также, что лучшие из учителей, самые самоотверженные из них добивались успеха только тогда, когда навстречу их педагогическим усилиям устремлялись воля, настойчивость, душевная энергия и внутренняя самостоятельность их учеников. Подлинный успех молодого актера — это непременно торжество его творческой инициативы, результат его идейного возмужания.

ЧЕМ плодотворнее работает молодой актер, тем быстрее он перестает быть «молодым» в том специфически-синхронизированном смысле, в каком у нас принято иногда употреблять это слово. Совсем еще молод по возрасту Сергей Юрский, но можно смело утверждать, что самая молодость его неразделима с творческой зрелостью. Не так, кажется, давно играл он беспечных и непримиримых подростков из пьес Виктора Розова, с увлечением рисовал их еще незрелую, но бесконечно искреннюю ненависть ко всяческому потреблению и самодовольному мешанскому благополучию. Глядя на этих подростков, можно было подумать, что именно в них наилучшим образом и навсегда нашел себя молодой актер. Но сегодня перед нами целая галерея образов, созданных Юрским, и среди них — Константин Часовников из «Океана», А. Штеина, Чадкий, мученический итальянец Гватчарди из «Чертового» Симонова, колченогий маро-

кис, человек-анура из брехтовской «Нарьеры Артуро Уиз».

Режиссеры, которые встречаются с Юрским в работе, неизменно восхищаются его уверенным и безотказным профессионализмом, точностью, бездоказательностью пластики. Все это должно быть специально отмечено потому, что как раз технического совершенства часто не хватает одаренным молодым актерам. Однако все же не этот превосходный профессионализм позволяет говорить о Юрском как об одном из самых интересных и самобытных представителей советской актерской молодежи. Одно время могло показаться, что его сильней всего тянет к психологической экзистенции, и вымывает-острому сценическому рисунку, где все по воле, все необходимо и непримиримо. Однако очень скоро стало ясно, что за внешней угловатостью, резкостью, иной раз даже парадоксальностью его героя непременно таится глубокая, страстная и правдивая внутренняя жизнь, покрывающая душевная красота.

Пример Юрского отнюдь не единственный. От роли к роли раскрывается на сцене талант драматического театра им. Горького незаурядный и глубокий талант Татьяны Дорониной. Она дебютировала в свое время на сцене ленинградского театра имени Ленинского комсомола отличным исполнением роли Жюльки Шульженко в пьесе А. Володина «Фабричная девочка». Однако после этой роли она стала повторяться, эксплуатировать уже найденное, полагаться на собственную индивидуальность; а ведь опасны, особенно в пору творческой молодости актера, они отлучают его от поисков, удерживают от живого творческого риска. К счастью, Дорониной удалось уйти от этой опасности.

В течение нескольких сезонов молодая актриса сыграла Надежду Монахову в «Варварах», Надю в «Моей старшей сестре», Софию в «Горе от ума», Наталью Филипповну в «Идиоте» — это перечислять сам по себе говорит о многом. Здесь уже и речи не могло быть о каких-либо повторениях, а каждой из названных ролей приходилось как добывать творческие умения, «начинать все сначала». Дорониная и в самом деле как бы рождалась заново в этих ролях, пробивала дорогу к своим героиням сквозь толщу давних театральных наслоений или, наоборот, выступала как первооткрывательница, находила в характере, воплощаемых впервые, их непримудоманную жизненную правду и новизну. Ее Надя из «Моей старшей сестры» — образ редкой душевной многогранности. И не в результате стремления во что бы то ни стало воплотить эту сложность, актриса сумела показать героиню так ярко. Суть заключалась в основательности, серьезности, смелости, с которыми она исследовала внутренний мир Нади.

Чернышевский как-то заметил, что забота об оригинальности губит оригинальность. Дорониной удалось постигнуть и воплотить психологическое своеобразие Софии из «Гора от ума» именно потому, что она не стремилась придумать непременно новый и обязательно нетрадиционный характер гробовщицы, а сделала все для того, чтобы понять, увидеть, ощутить живое, человеческое, подлинное в ней — все то, что дает ей право и силы жить на современной сцене. Наш зритель умеет высоко ценить блеск и остроту актерской игры, неожиданные находки актером внешнего рисунка — но только тогда, когда за всем этим ощущается глубокий и настойчивый поиск внутренней правды образа, когда главная для актера остается жизнь, узнаваемая и показываемая через человека.

У КАЖДОЙ актерской судьбы есть свои неповторимые особенности и свои индивидуальные черты, но во всех актерских судьбах можно проследить эту последовательность — от малого, частного, внешнего настоящего художник непременно будет стремиться к самому главному в человеке и в жизни. За блестящим комедийно-насмешным дарованием Алисы Фрейндлих далеко не сразу открылись подлинный драматический темперамент, способность передавать глубокое душевное напряжение, силу скрытого и недоговоренного чувства. Веселая, шаловливая и радостная представляла поначалу мизантропа ее юных героев в героиню, пленительным казалась ее насмешливое сценическое озорство. Но было бы, конечно, непростительно, если бы она осталась замеченой только эта сторона ее дарования. От молодого актера, в которого веришь, всегда надо ждать и требовать большего, чем он дает.

В трагедии Ольги Берггольд «Рождение

ны в Ленинграде» Алиса Фрейндлих сыграла роль девушки — «блокадницы» Маши, и талант ее обнаружил в этой работе совершенно новые особенности. Актриса не отступала от самой себя, не стала, как говорится, неузнаваемой, но сценическая манера ее обрела здесь совсем иной, чем в комедийных ролях, смысл. За полными-беспрерывными, бравурными своей резкостью интонациями прозвучала застенчивая и суровая сердечность, за грубоватой разминистостью движений и жестов проступила трагетическая девичья чистота. Характер Маши, мужество, силу и самоотверженность юной ленинградки актриса парисовала по-своему, ничего в нем не смачивая и не приглушая, и стало очевидно, что она отыщд не только комедийная актриса, что талант ее шире, глубже, объемнее иных сыгранных ею забавных ролей.

Нет поэтому ничего удивительного, что сегодня она играет и такие, иные более глубокие роли, как артистка.

В начале пути молодого актера его очень трудно, как говорят, «отгадать», определить заранее характер его будущих ролей, предвидеть характер его творческого возмужания. Беда, если режиссура поручает молодому актеру только роли, чем-то похожие на те, в которых он уже имел успех.

В ленинградском театре им. Ленинского комсомола трудится несомненно одаренный и своеобразный актер Владимир Полюб. Он отлично сыграл несколько ролей в пьесах Арбузова, Розова, Пановой, и в частности, роль Володи из пьесы Розова «В дороге». У него, что называется, стали лезть волосы из ушей, но флегматичные и несколько разбавленные, медленно думющие, ни в сущности прямодушные, честные парни. И вот на этом основании вслед за Володи сразу же последовал другой розовский герой — Гриша из «Перед ужином». Гриша был сыгран в той же интонации, что и Волода, образ был пологан под мерку актера, в то время как драматург испал новое в своем постоянном герое и ради этого и писал пьесу. Заставляя молодого актера играть роли одного плана, режиссура не только мешает его внутреннему росту, но и обесцвечивает, невольно превращает открытию на сцене новой жизненной правды.

Пример с Полюбом — не единственный, разумеется, пример расчехот этого рода. Мне кажется, что уже начинают чувствовать себя явлено в своих одна с другой ролях одаренная актриса Театра комедии Вера Гарнов. П ей уже не один раз приходилось переселяться из образа в образ, не испая, фигурально выражаясь, даже причисли. Мне когда-то пришлось услышать, как замечательный воспитатель актерской молодежи Н. Н. Сивилихин сказал полупусть по-русски: «у актера может быть столько, которые им удалось, а ведь следовало бы иной раз и забывать их».

Отлично сыграл на сцене театра им. Пушкина роль Вадима Лялина из пьесы Л. Зорина «Друзья и годы» Юрий Родонов. Лялин был у молодого актера и очень прост и внутренне значительный, бесконечно скромный и полный настоящего воодушевления — именно этот сила сделал показанного Родоновым человека нашим близким, понятным другом и соревниваемым. Но Лялин был сыгран несколько лет назад, за ним должны были последовать новые поиски, открытия, но пока что играть Родонову нечего. Драматурги, режиссуры не ставят перед ним новых задач, и поэтому проявить свою способность решать их он при всем желании не может.

Актриса молодость проходит сравнительно быстро, а ждать новых ролей годами по меньшей мере рискованно. Создавая новые пьесы, драматург должен внутренним взором видеть их будущих исполнителей, предугадывать их, догадываться об их возможностях. Может быть, и верно, что не следует писать роль на определенных актеров, но, безусловно, верно, что чувствовать внутреннюю динамику современных актеров драматург обязан. Он должен знать, что и растет — снова в снова — актерская племена, которое ждет от него глубокой и точной, неопровержимой и неоложной жизненной правды, воинствующей коммунистической идейности. Ибо не только мысль, правда драматурга оплодотворяют молодого актера, но и мысль, правда молодого актера, его зорность и духовное бесстрашие оплодотворяют драматурга.

Ленинград.

С. ЦИМБАЛ.